

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Сборник 1

К семидесятипятилетию академика М. А. Коростовцева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА, 1975

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ
ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНО-ЭФИОПСКИХ СВЯЗЕЙ
(АЛФАВИТ МАШТОЦА)

История происхождения армянского алфавита известна несравненно лучше, чем история любого другого алфавита. Армянским историкам, в частности Моисею Хоренскому и прежде всего, конечно, Корюну, мы обязаны сведениями о деятельности Месропа Маштоца, который в начале V в. создал армянскую письменность¹. Тем не менее источники, которыми пользовался Месроп Маштоц, составляя свой замечательный алфавит, остаются неизвестными. До сих пор в науке еще нет установившегося мнения о происхождении начертания армянских букв, которые уже в древнейших эпиграфических памятниках предстают перед нами в совершенно законченном виде. Алфавит Маштоца замечателен по двум причинам. Во-первых, этот алфавит поражает своей точностью передачи фонемного строя армянского языка. По существу со времени его создания в V в. алфавит этот из 36 первоначальных букв пополнился лишь двумя новыми знаками, и приходится удивляться, как Месроп Маштоц уловил все оттенки сложного звукового состава своего родного языка.

Второй, не менее замечательной чертой алфавита Маштоца следует признать графическое его совершенство. В этом отношении алфавит этот стоит особняком среди всех восточных письменностей окружавшего его мира.

Несомненно, что, составляя свой алфавит, Маштоц должен был учитывать существовавшие в его время письменности других народов. Это тем более несомненно, что уже Моисей Корейский указывает, что в некоторых областях Армении задолго до Маштоца пользовались либо греческими, либо персидскими (сасанидскими) письменами. Известно также, что Маштоцу были известны письма епископа Даниэла. Корюн в своей книге о Маштоце рассказывает о «некоем сирийце, благопристойном епископе по имени Даниэл, внезапно нашедшем письма алфавита армянского языка»². Врамшапух, царь Армении, озабоченный необходимостью создать алфавит для своего народа, направил своего представителя к некоему иерею Абелу, приближенному сирийского епископа Даниэла. «Узнав об этой просьбе, Абел немедля прибыл к Даниэлу и сперва сам он осведомился у Даниэла об этих письменах, а затем, взяв их у него, отправил царю (Врамшапуху) в Армению. И привез он (Вахрич письма) ему в пятом году царствования его. А царь, получив от Абела письма, вместе со святым Сааком³ и Маштоцем весьма обрадовались»⁴. После этого, сообщает Корюн, Маштоц около двух лет занимался преподаванием и вел занятия, пользуясь этими письменами, «Но когда выяснилось, что эти письма недостаточны, чтобы выразить (все) силлабы-слоги армянского языка, тем более, что эти письма были похоронены в письменности на другом языке и затем воскрешены, тогда они вторично стали хлопотать о том же и некоторое время искали такого же выхода (из положения). Потому и блаженный Маштоц по приказанию царя и с согласия святого Саака взял с собою группу отроков и, простившись друг с другом священным лобзанием, двинулся в путь в пятом году царствования царя армянского Врамшапуха и прибыл в страну Арама, в два сирийских города, из коих первый назвался Эдессой, а второй Амидом»⁵.

Затем Вардапет Маштоц разделил своих учеников на две группы, оставив одних изучать сирийскую письменность в Эдессе, а других направил в город Самосат изучать греческую письменность. Таким образом, мы видим, что Маштоц весьма серьезно отнесся к порученному ему делу. По существу миссия Маштоца — настоящая научная, быть может первая в мире, лингвистическая экспедиция, поставившая своей целью выработку алфавита. После этого, как говорит Корюн, претерпел он много лишений, но затем ему было даровано такое счастье, что он, «как отец, породил новое и чудесное дитя — письма армянского

¹ Корюн, Житие Маштоца (перевод Ш. В. Смбабяна и К. А. Мелик-Оганджяна), Ереван, 1962.

² Корюн, Житие Маштоца, стр. 89.

³ Святой Саак был тогда католикосом Великой Армении.

⁴ Корюн, Житие Маштоца, стр. 89.

⁵ Там же, стр. 90-91.

языка. И там он, поспешно начертав, дав названия и расставив (письмена по порядку), расположил (их) по силлабам-слогам»⁶. Вслед за тем он отправился в Самосат и там «нашел некоего каллиграфа греческой письменности по имени Ропанос, о помощи которого он, окончательно изобразив и приновив все различия письмен (букв) — тонкие и жирные, короткие и длинные, отдельные и двойные приставные, приступил к переводам...»⁷. Ему помогли в этом два ученика, вместе с которыми начал он перевод Библии.

Таковы хорошо известные всем арыоноведим сведения, которые содержатся в составленном Корюном «Житии Маштоца».

Прошло ровно сто лет с тех пор, как появилась первая работа по истории армянского алфавита, где Фр. Мюллер, известный австрийский лингвист, выводил его происхождение из письменности семитских народов и Авесты. Мнение его по существу повторяли и повторяют до сих пор многие армяноведы.

Позднее в решении этого вопроса наметились два направления: одни исследователи, в том числе Р. Лепсиус, пытались доказать, что основу алфавита Маштоца составил греческий алфавит. Так, например, утверждали они, армянский АЙБ не что иное, как нижняя половина альфы, армянский БЕН — видоизмененная бета, ЕЧ — усеченный эпсилон и т. д. Другие ученые, и их было большинство, возводили алфавит Маштоца либо к пехлеви, либо к арамейским алфавитам. К этой группе исследователей относятся весьма серьезные востоковеды — Маркварт, Юнкер и, пожалуй, в последнее время Петерс, причем последний считается также с возможностью греческого влияния.

Оценивая результаты всех этих работ, Енсен⁸ признает, что вопрос этот еще окончательно не решен. Остается неясным, говорит он, является ли алфавит Маштоца созданным на основе пехлевийского среднеперсидского алфавита, принадлежащего к арамейским типам письменности, с добавлением некоторых знаков письма Авесты, или армянское письмо является самостоятельным созданием Маштоца, находившегося под известным влиянием арамейских и греческих образцов⁹. Так обстояло дело до последнего времени.

Однако совсем недавно армянский ученый Гурген Севак высказал предположение о возможности южносемитского происхождения алфавита Маштоца. «Месроповский стиль начертания письмен, характер изображения букв армянского, древнегрузинского и агванского алфавитов по имеют никакого сходства ни с персидским, ни с сирийским, ни с греческим письмом. Армянские, древнегрузинские, агванские письмена по своему стилю настолько отличаются от иных алфавитов, что находить сходство между ними, а тем более смешивать с ними нет никаких оснований»¹⁰. «Облик письмен этих трех разных языков, — пишет он далее, — их изображение, стиль имеют такое явное сходство, что не остается сомнения в том, что они носят на себе печать одного почерка, или одной руки. В то же время они, вместе взятые, настолько отличаются от письмен, донныне использовавшихся: учеными для сравнения (греческих, сирийских, персидских, пехлевийских, авестийских, сасанидских), что источник их стиля, их рисунка и формы приходится искать в письменах других, более отдаленных народов».

«Из письмен всех языков мира армяно-грузинско-агванские письмена по своему стилю и начертанию похожи лишь на письмена южносемитские, главным образом — геэз, сабейские, амхарские, которые произошли от финикийских и во времена Месропа уже вовсе не употреблялись. Из них только амхарские письмена продолжают существовать и по наши в

⁶ Там же, стр. 92.

⁷ Там же.

⁸ Енсен, известный востоковед, автор грамматики древнеармянского языка, много занимался историей письма, и ему принадлежит весьма обстоятельный сводный труд по этому вопросу.

⁹ См.: Н. Jensen, Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, Berlin, 1958, стр. 411-419, где приведена история различных попыток решения вопроса.

¹⁰ Г. Севак, Месроп Маштоц. Создание армянских письмен и словесности, Ереван, 1962, стр. 42.

Эфиопии... Сходство стиля этих письмен со стилем армяно-грузино-агванских букв совершенно очевидно»¹¹. В заключение Гурген Севак ставит вопрос, является ли сходство это результатом сознательного выбора Месропа, или оно имеет какие-то древние корни. При этом сам исследователь склоняется в пользу последнего предположения.

Высказанное проф. Севаком мнение очень интересно, тем более, что, действительно, всякого, кому придется знакомиться с эфиопской и армянской системами письма, невольно поражает сходство начертаний обоих языков. Г. Севак не приводит никаких доказательств, подтверждающих его теорию, предоставляя это ученым-месроповедам. Однако он отмечает, что даниэлевы письмена, по которым Месроп в течение двух лет обучал детей, признавались письменами армянского языка. Очевидно, они должны были быть по своему стилю совершенно своеобразными и не похожими ни на греческие, ни на сирийские или персидские письмена. Между тем Месроп и, конечно, Саак, а вероятно, и Врамшапх несомненно знали как греческие, так и пехлевийские и арамейские письмена. Поэтому «даниэлевые письмена» скорее всего были не чем иным, как буквами эфиопского алфавита, или, как пишет Г. Севак южносемитскими, т. е. сабейскими, аксумскими и геэз-амхарскими, «забытыми, вышедшими из употребления» письменами.

Предположение Г. Севака в высшей степени смело. Вместо того чтобы искать происхождение письмен в различных системах письменности народов, окружавших Армению в начале V в., Г. Севак обращается к далекой южной стране, письменность которой, по его мнению, оказала влияние на создание армянского алфавита. Доказательством этому служат два соображения: 1) сходство общего облика письмен, 2) резкое отличие «даниэлевых письмен» от сиро-арамейских и пехлевийских начертаний букв.

Нелишне заметить, что два ученых, специально занимавшихся историей развития письма и систем письменности, — Марсель Коэн, автор трехтомного исследования «La grande invention de l'écriture et son évolution», и Ганс Енсен, автор исследования по истории письма «Geschichte der Schrift», — являлись один — крупнейшим семитологом-эфиопистом, другой — армяноведом и при этом не нашли возможным отметить сходство этих систем.

Проблема осложняется еще тем, что по существу мы ничего не знаем о «даниэлевых письменах», кроме того, что сообщают о них Корюн и другие современные ему источники¹². Отмечу, однако, что предположение Гургена Севака, что южносемитские письмена во времена Маштоца были давно забыты и воскрешены Даниэлем, — неточно. В действительности именно в IV-V вв., а может и несколько раньше, складывается эфиопская письменность, которая дошла до наших дней и является тепер письменностью государственного языка современной Эфиопии — амхарского языка.

Во времена Маштоца и северо-восточном углу Африки в районах, прилегающих к Красному морю, несколько севернее Баб-эль-Мандебского пролива, возвысилось государство, центром которого являлся Аксум. К концу III — началу IV в. относятся большие победные надписи аксумских царей на эфиопском, сабейском и греческом языках. В них цари Аксума рассказывают о своих походах как на запад до берегов Нила, так и на восток в пределы Южной Аравии. Примерно к этому времени границы аксумского государства простирались от Мероэ до Южной Аравии. Говоря о событиях того времени, акад. Б. А. Тураев, излагая историю Аксума, писал: «Получилась огромная держава, третья в тогдашнем мире, наряду с римской и парфянской. Аксумский «царь царей» — это могущественный владыка великой державы, равноправный римскому императору и персидскому царю; он сносится с ними на равных правах. Он чеканит монету с собственными изображениями...»¹³. Главный торговый порт страны, Адулис, был сосредоточием красноморской, индийской и

¹¹ Там же, стр. 46.

¹² Вообще вопрос о характере «даниэловых письмен» требует специального рассмотрения специалистов-армяноведов.

¹³ «История Древнего Востока», ч. II, СПб., 1913, стр. 353-355.

парфянской торговли. Он находился на морском пути из Египта в Индию¹⁴. В VI в. Аксум достиг вершины своего политического могущества и, Адулис приобрел важное значение в морской торговле с Индией. «Когда власть Аксума, — пишет известный историк географических исследований Р. Хенниг, имея в виду середину VI в., — простиралась на оба побережья южной части Красного моря, аксумские гавани имели более важное значение, чем египетские. Даже Александрия, занимавшая господствующее положение в торговых связях Востока, видимо, была отеснена на задний план, и дело, пожалуй, дошло бы до длительного преобладания Адулиса, если бы в 570 г. вновь возродившаяся великая держава Сасанидов не покорила счастливую Аравию и не положила там конец господству Аксума»¹⁵.

Итак, Маштоц, живший на рубеже IV и V вв., был современником растущего могущества Аксума. В конце III—середине IV в. отмечается экономический и культурный подъем Аксума. Не случайно византийские императоры обращались к негусам как к великим, равным себе царям. Так, император Констанций в 357 г. пишет аксумским негусам по поводу церковных смут, произведенных епископом Афанасием, называя их братьями-христианами. В начале VI в. Юстин I посылает свои суда в помощь негусу Аксума Эла Ашбеха. В 535 г. Юстиниан направляет в Аксум в качестве своего посла Нонноса, а в 564 г. Юлиана. Христианская Византия пытается найти себе в эти годы союзника в борьбе с Персией. Следует иметь в виду, что Эфиопия была в глазах христиан оплотом в борьбе с язычеством. Однако время когда жил и действовал Маштоц, было временем ожесточенных религиозных споров, раздиравших христианскую церковь. В 431 г. состоялся Эфесский собор, осудивший несторианскую ересь, а в 451 г. на Халкедонском соборе было осуждено монофизитство, причем в числе антихалкидонитов оказались вместе армяне, копты и эфиопы. Хотя собор состоялся уже после смерти Маштоца, несомненно, единство мнений, проявившееся на соборе, должно было складываться задолго до того.

Таким образом, у нас есть все основания полагать, что Маштоц, близкий к придворным кругам своей страны, человек широкообразованный, имевший много друзей в самых высших слоях церковной иерархии, должен был знать о существовании христианского государства в Эфиопии и видеть документы, написанные по-эфиопски. В пользу этого говорят и большая роль Аксума в международной жизни того времени, и церковные споры, в которых принимали участие как коптские, так и армянские, а возможно и эфиопские, духовные лица.

Что же представляла собой во времена Маштоца письменность Аксума? Еще со времени первых археологических находок на территории Эфиопии, в Аксуме и его окрестностях, прочно установилось мнение, что эфиопское письмо является прямым потомком южноарабского. За последние годы, однако, в связи с новыми находками как в Южной Аравии, так и в Эфиопии Рикманс высказал предположение, что эта письменность происходит не непосредственно от южноарабского письма в той форме, в какой она засвидетельствована на надгробиях и других памятниках, но от одного из видов тамудского письма. Гипотеза его встретила возражения. Я думаю, что права М. Хёфнер, считающая, что в основе эфиопского силлабария лежат два типа письма — официальное, сохранившееся на памятниках, и курсивное, которое повлияло на выработку формы эфиопских букв-силлабов. Во всяком случае несомненно, что уже в IV в. сложилась эфиопская письменность, отличавшаяся от южноарабской:

- 1) направлением письма слева направо,
- 2) наличием огласовки,
- 3) особым начертанием букв.

¹⁴ Об истории Аксума см.: Н. В. Пигулевская, Византия на путях в Индию, М., 1951; Ю. М. Кобищанов, Аксум, М., 1966.

¹⁵ Р. Хенниг, Неведомые земли, т. II, М., 1961, стр. 69.

Форма этих букв заставляет предполагать, что прототипом их были буквы, употреблявшиеся на пергаменте. Формы букв на некоторых победных надписях Аксума, по отзывам археологов, имевших дело с самими памятниками, не столько выгравированы, сколько написаны. Наиболее характерной особенностью эфиопского письма несомненно следует считать огласовку. Огласовка эта по своему принципу очень своеобразна и проведена очень последовательно. Эфиопы, создавая свою письменность, пошли не путем добавления гласных к консонантному семитскому письму, но путем создания сллабов. Все сллабы делятся на семь так называемых порядков. В основу эфиопской письменности положено начертание, имеющее звуковое значение слога с кратким А. С нашей точки зрения, казалось бы, следовало исходить из неогласованной формы согласного, однако согласные такого типа не выделены и объединены вместе со слогами, плюющими огласовку па о. Вместе с ними они составляют один из порядков.

Буквы первого порядка составляют основу начертания.

Буквы второго порядка имеют дополнительную черточку посредине, т. е. обозначается огласовка на и. Буквы третьего порядка, имеющие огласовку на і, имеют такую же черточку внизу¹⁶.

Буквы четвертого порядка — огласовка на А — удлиняют правую ножку. Буквы пятого порядка — огласовка на е — имеют колечко, добавленное снизу. Буквы шестого порядка — огласовка нулевая или на о — претерпевают наибольшее число изменений, что видно на таблице. Наконец, буквы седьмого порядка либо удлиняют левую ножку, либо получают дополнительный кружок наверху.

Наиболее последовательны изменения начертаний букв во втором, третьем и пятом порядках.

До недавнего времени считалось, что огласовка была введена во время правления аксумского царя Эзаны. Однако находки новых надписей заставили пересмотреть прежде установившееся мнение и теперь предполагают, что огласовка была введена задолго до Эзаны, возможно даже в I в. н. э. Таким образом, в надписях начала IV в. на языке геэз, или эфиопском, где применяется неогласованное письмо, следует видеть архаизацию.

Обратимся теперь к алфавиту Маштоца. Как известно, армянское письмо, как и эфиопское, имеет направление слева направо. Уже первый беглый взгляд на алфавит Маштоца показывает, что он имеет сходство с эфиопским письмом как по форме, так и по характеру букв. Рассмотрение его позволяет установить почти буквальное сходство семи начертаний (табл. 1).

Более внимательное рассмотрение алфавита показывает, что некоторые буквы отличаются друг от друга добавлением черточек по принципу эфиопского алфавита. Если сравнить начертания трех букв эфиопского алфавита БА, ХА и ГА во всех семи порядках, то мы увидим, что в восьми случаях их начертания повторяются в алфавите Маштоца (табл. 2).

Если попытаться составить предположительную аналитическую таблицу букв армянского алфавита, расположив их по принципу формы и направления черточек, то мы получим следующую таблицу, включающую 22 или 23 буквы алфавита Маштоца, т. е. почти две трети алфавита.

Во всех этих сравнениях речь идет только о сходстве общего характера начертаний (их формы) букв и принципа изменения основных начертаний букв. Сравнение показывает, что ни одна из этих букв не имеет, звукового значения, одинакового с буквами-сллабами эфиопского алфавита. Стоит отметить, что все или почти все аффрикаты, характерные для армянского языка и отличающего его от семитских языков, имеют свою особую форму и не входят в число начертаний, учтенных в таблице. Таковы буквы армянского алфавита ЗА, ЧА, ДЖЕ, ЦО, КЕ.

¹⁶ Однако, если буква не имеет ножек, то черточка эта добавляется не непосредственно к букве, а к особой соединительной черте и начертание знака существенно изменяет свою форму.

ሀ	በ	ቡ	ገ	ጊ	ጣ	ቀ
ha	ba	bu	gu	gi	ta	qa
ሀ	በ	ቡ	ገ	ጊ	ጣ	ቀ
s	a	r	d	t	p	ph

Табл. 1. Сравнение начертаний эфиопских и армянских букв

Следовательно, создавая армянский алфавит, Маштоц знал принципы эфиопской письменности. Добавление приписных черточек или колечек вверху, в середине и внизу буквы в эфиопском алфавите имеет определенное значение — оно используется для изменения огласовки. В алфавите Маштоца мы видим тот же принцип изменений — добавление черточек и колечек к основному начертанию буквы. Однако система добавлений не связана с изменением огласовки — такой необходимости не было. Армянская письменность Маштоца была чисто алфавитным письмом.

Создавая свой алфавит, Маштоц применил в какой-то степени принцип добавочных начертаний. Вероятно, тем материалом, из которого он создавал буквы своего алфавита, были письма, бытовавшие в его время в самой Армении и в прилегающих к ней странах, т. е. различного типа алфавитные значки арамейского или пехлевийского происхождения. Однако Маштоц придал им твердо определенную форму, сообщив им общий характер начертания эфиопских силлабов. Создавая начертания отдельных букв, Маштоц использовал принцип видоизменения буквенных начертаний, положенный в основу эфиопского письма, где он имел функциональное значение.

Таким образом, мы можем говорить о существовании армяно-эфиопских связей еще до времени созыва Халкедонского собора. Как известно, на этом соборе армяне и эфиопы оказались в оппозиции ортодоксальному течению. В 451 г. монофизитство было осуждено как ересь. В дальнейшем сношения Великой Армении с монофизитской Эфиопией и Египтом шли главным образом через Иерусалим. Академик В. А. Тураев писал: Коптский патриархат и зависящая от него, заброшенная далеко в Африку Абиссиния не забывали о великой армянской ветви антихалкидонитов; не теряли интереса к своим иноплеменным единоверцам и армяне. Местом встречи был, конечно, прежде всего Иерусалим, где и теперь (т. е. в 1910 г.) абиссинские монахи подчинены армянскому патриарху»¹⁷.

В работах акад. В. А. Тураева «Исследование в области агиологических источников истории Эфиопии» (СПб., 1902), «Из армяно-абиссинских сношений», в исследовании Э. Черулли «Эфиопская книга о чудесах девы Марии»¹⁸ и во многих других мы находим множество свидетельств о связях Армении с Эфиопией. Изучение этих связей — дело специалистов-арменоведов, с одной стороны, так же как и эфиопистов, специалистов по истории средневековой Эфиопии — с другой.

В результате можно утверждать, что связи Армении и Эфиопии относятся к более раннему времени, чем до сих пор было известно. С другой стороны (для африканистов), можно прийти к следующему выводу: если Маштоц создавал свой алфавит, руководствуясь формой начертаний эфиопских силлабов, то на рубеже IV-V вв. уже существовали рукописи, где этот эфиопский силлабарий уже имел формы, которые засвидетельствованы рукописями более позднего времени. До нас не дошло рукописей эпохи Аксума, но из эпиграфических памятников мы знаем, что в IV в. уже существовали переводы Библии на эфиопский язык. Так, в одной из надписей из Саро мы находим цитату 140 псалма, в другой, датированной

¹⁷ В. А. Тураев, Из армяно-эфиопских сношений, — «Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества», т. XXI, вып. I, стр. 03—015.

¹⁸ E. Cerulli, Il libro etfopico del Miracoli di Maria e le sue fonti nelle letterature del Medio evo Latino, Roma, 1943.

временем Элла Шахеля, — из Евангелия от Иоанна из книги Иова и пророка Исаяи¹⁹. Это указывает на то, что составители пользовались переводами, очевидно написанными на пергаменте. Я уже указывал выше, что начертания букв на некоторых памятниках IV в. дают основание думать, что составители их воспроизводили на камне начертания букв, написанных на пергаменте.

<i>ba</i>	<i>bu</i>	<i>bi</i>	<i>ba</i>	<i>bi</i>	<i>be</i>	<i>bo</i>
Ⲡ	ⲡ	Ⲣ	ⲣ	Ⲥ	ⲥ	Ⲧ
Ⲡ	ⲡ			Ⲥ		
<i>o</i>	<i>r</i>			<i>t</i>		
<i>ga</i>	<i>gu</i>	<i>gi</i>	<i>ga</i>	<i>ge</i>	<i>ge</i>	<i>go</i>
ⲧ	Ⲩ	ⲩ	Ⲫ	ⲫ	Ⲭ	ⲭ
	ⲧ	ⲩ				
<i>d</i>	<i>t</i>					
<i>ha</i>	<i>hu</i>			<i>he</i>	<i>ho</i>	
Ⲯ	ⲯ			Ⲱ	ⲱ	
Ⲯ		Ⲳ		ⲳ		
<i>s</i>	<i>m</i>			<i>v</i>		

Табл. 2. Сравнение начертаний эфиопского силлабического письма и букв армянского алфавита

¹⁹ Ю. М. Кобищанов, У истоков эфиопской литературы, Аксумская литература, стр. 178-198.